Сергей Кулешов

Мальчик и Волк с острова Тихой воды. Сказка

Сергей Кулешов

Мальчик и Волк с острова Тихой воды. Сказка

https://litres.ru/74996869
SelfPub; 2026

Аннотация

Корабль погиб ночью, и двенадцатилетнего Мишу выбросило на белый песок острова, которого нет ни на одной карте. Выжить ему помог волк: научил находить воду, замирать перед опасностью и ждать. А потом пришёл корабль, и мальчик ушёл, не обернувшись.

Через восемь лет он вернулся — взрослый, с картами, тетрадями и свистом, который учился повторять все эти годы. Он знал, сколько живут волки. Он считал это честно, до тошноты честно. И всё-таки шёл на мыс.

Тихая история о верности, которая длиннее человеческой памяти.

Содержание

Часть первая. Мальчик и волк с острова Тихой Воды 4
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Сергей Кулешов
Мальчик и Волк с острова Тихой воды. Сказка

Часть первая. Мальчик и волк с острова Тихой Воды

Море в ту ночь было чёрным, как обсидиан, и тёплым, как чужое дыхание. Корабль трещал и стонал, канаты лопались со звуком рвущейся струны, и двенадцатилетний Миша — мальчик с тонкими запястьями и глазами цвета мокрого песка — успел ухватиться за деревянную дверцу от каюты. Больше он не успел ничего.

Волна подняла его, как ладонь поднимает упавшую монету, и швырнула в темноту.

Он очнулся на рассвете, лицом в песке. Песок был белым и мелким, почти как мука, и пах солью и чем-то сладковатым — может быть, раздавленными ракушками. Миша перевернулся на спину. Над ним стояло небо такой пронзительной голубизны, что хотелось заплакать: ни дымки, ни облачка, ни единого следа самолёта. Только пустота — огромная, безразличная, прекрасная.

Остров был небольшим. Полумесяц белого пляжа огибал бухту, где вода переливалась от бирюзы у берега до глубокого индиго вдали. За пляжем поднимался холм, поросший низкими деревьями с узловатыми стволами и листьями, похожими на лакированные ложки. Дальше виднелись скалы — рыжие, изъеденные ветром, увитые чем-то цветущим, лиловым. Воздух дрожал от жары и стрекота невидимых насекомых. Где-то кричала птица — резко, требовательно, будто остров перекликался сам с собой.

Миша встал. Ноги дрожали. Губы потрескались от соли. Он огляделся — и понял, что на всём этом сияющем, залитом солнцем берегу нет ни одного человека.

Первые три дня он плакал. Не громко — тихо, скупо, как плачут мальчики, которых учили, что слёзы ничего не меняют. Он пил воду из ручейка, найденного в расщелине между скалами: вода была холодной и чуть отдавала железом. Ел мелкие кислые ягоды, растущие прямо на коре деревьев, и однажды поймал краба — обжёг пальцы о его панцирь, но съел всего, до последней хрящевой ниточки. Ночью забирался на развилку толстого дерева и лежал, обняв ствол, слушая, как внизу шуршит прибой — ровно, терпеливо, будто море всё ещё пыталось что-то ему сказать.

На четвёртый день он увидел волка.

Зверь стоял на дальнем конце пляжа, у самой кромки воды, — серый, худой, с острыми лопатками, торчащими под шкурой, как сложенные крылья. Лапы оставляли мокрые

следы на песке. Волк смотрел на Мишу жёлтыми глазами — не мигая, не подходя, не уходя. Просто смотрел. И в этом взгляде не было ни голода, ни злобы — только усталость и какая-то древняя, понятная мальчику осторожность.

«Ты тоже один», — сказал Миша вслух. Голос прозвучал хрипло и чуждо. Волк повёл ухом.

Миша достал из-за пазухи половину вяленой рыбы, которую сделал накануне, разрезав камнем и высушив на горячем плоском валуне. Положил на песок. Отступил на пять шагов. Сел.

Волк не двигался долго — так долго, что солнце успело сдвинуться, и тень от скалы легла поперёк пляжа. Потом он подошёл. Медленно, боком, будто каждый шаг давался ему отдельно. Наклонил голову. Взял рыбу. Съел. И снова посмотрел на мальчика — уже иначе. Чуть мягче. Чуть ближе.

На следующую ночь волк лёг у подножия дерева, на котором спал Миша. Мальчик слышал его дыхание — ровное, тёплое, живое — и впервые за все дни на острове закрыл глаза без страха.

Он назвал его Серым. Не потому, что не мог придумать имя получше, а потому, что в тот момент, когда имя понадобилось, слово само пришло — простое, честное, как камень в ладони.

Они прожили вместе остаток лета.

Серый научил его находить пресную воду по запаху влажного мха на камнях. Научил замирать, когда в зарослях шур-

шало что-то крупное, и ждать, пока опасность пройдёт мимо. Показал место на южной стороне острова, где скалы образовывали неглубокую пещеру, сухую даже в дождь, с полом из утрамбованного песка. Миша натаскал туда пальмовых листьев, устроил лежанку. Серый ложился рядом — тяжело, со вздохом, кладя морду на лапы, и его бок мерно поднимался и опускался, как маленький тёплый мех.

По вечерам они выходили на мыс — узкий каменный язык, выдающийся в море. Закаты там были такими, что у Миши сжималось горло: солнце садилось в воду, и вся бухта вспыхивала — медью, розовым, расплавленным золотом. Вода становилась зеркалом, и казалось, что небо есть и внизу тоже, что мир — это два одинаковых сияющих полушария, а между ними — только тонкая полоска тёмной земли, на которой стоят мальчик и волк.

Миша разговаривал с Серым. Рассказывал про маму — про её руки в муке, про то, как она пела негромко, когда думала, что никто не слышит. Про школу, про запах мела и ластика. Про друга Витьку, который умел свистеть сквозь зубы так громко, что оборачивались прохожие. Серый слушал, склонив голову, и иногда тихо скулил — не жалобно, а как будто отвечал на языке, который существовал до слов.

Однажды ночью поднялся шторм. Ветер гнул деревья до земли, дождь бил горизонтально, и море ревело, наваливаясь на скалы с такой силой, что остров дрожал. Миша сидел в пещере, прижав колени к груди, и Серый вжался в него

всем телом — горячий, пахнущий мокрой шерстью и чем-то диким, лесным, чего на этом острове не было и в помине. Но мальчику казалось, что этот запах — из другого места, из леса, из зимы, из мира, где есть дома и дороги. И он зарылся пальцами в густую шерсть на загривке и держался за неё, как за единственную верёвку, связывающую его с жизнью.

К утру шторм стих. Они вышли наружу. Остров блестел, умытый, оглушительно зелёный. На пляже лежали водоросли — длинные, бурые, перепутанные, как чьи-то волосы. Воздух был чистым до боли в лёгких. И далеко на горизонте, там, где вчера не было ничего, кроме воды, — медленно, тяжело, красиво — шёл корабль.

Миша стоял на мысу и махал обеими руками. Кричал. Серый сидел рядом — прямой, напряжённый, с поднятыми ушами. Корабль повернул. Стал больше. Стал настоящим.

Когда шлюпка коснулась песка и на берег вышли люди — в белой форме, с обветренными лицами, — Миша обернулся.

Волк стоял в десяти шагах, у кромки зарослей. Смотрел.

Миша побежал к нему. Упал на колени. Обнял за шею — крепко, отчаянно, чувствуя под пальцами жёсткую шерсть и частое сердцебиение. Серый лизнул его в щёку — один раз, коротко, шершавым языком. Потом отступил. Тихо. Без звука. Встал среди теней деревьев, и серая шкура слилась с серой корой, и жёлтые глаза мигнули один раз — и исчезли.

Миша шёл к шлюпке и не оборачивался. Потому что знал:

если обернётся — не сможет уйти. А уйти было нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.